

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

М. С. САБИНИНА

Записки

1831–1860

 КУЧКОВО
ПОЛЕ
МОСКВА
2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(0)52
С 12

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуется по: Записки Марфы Степановны Сабининой // Русский архив. 1900. Кн. 1. Вып. 4. С. 519–544; Кн. 2. Вып. 5. С. 37–67; Вып. 6. С. 113–144; Вып. 8. С. 498–517; 1901. Кн. 1. Вып. 1. С. 119–140; Вып. 3. С. 520–526; Кн. 2. Вып. 5. С. 145–154; Вып. 6. С. 262–277; Вып. 7. С. 438–446; Вып. 8. 576–586; Кн. 3. Вып. 9. С. 49–80; Вып. 10. С. 229–250; Вып. 11. С. 422–428; 1902. Кн. 1. Вып. 2. С. 326–336.

Рецензенты: Т. Ю. Масловская, С. А. Петухова

Сабинина М. С.

С 12 Записки: 1831–1860 / сост., текстологич. подг., предисл., ст. О. В. Лосевой и М. П. Рахмановой; коммент. О. В. Лосевой, М. П. Рахмановой и В. Э. Фермана. — М.: Кучково поле, 2019. — 672 с.: ил.; 8 л. ил. — (Живая история)

ISBN 978-5-9950-0909-2

«Записки» Марфы Степановны Сабининой (1831–1892) — один из самых ценных русских мемуарных памятников, касающихся не только музыки, но и культурной, общественной жизни Германии и России середины XIX века. М. С. Сабинина, дочь духовника великой княгини Марии Павловны, ученица Клары Шуман и Франца Листа и учительница музыки детей Александра II, стала одной из основательниц и руководительниц Российского общества Красного Креста и первой общины сестер милосердия в Крыму.

«Записки» публикуются с подробными комментариями, указателями и приложениями.

УДК 94(47)
ББК 63.3(0)52

ISBN 978-5-9950-0909-2

© Лосева О. В., Рахманова М. П.,
сост., текстологич. подгот., предисл.,
ст., коммент., 2019
© 000 «Кучково поле», 2019

Воспоминания («Записки») Марфы Степановны Сабининой (1831–1892) — один из самых ценных русских мемуарных памятников, непосредственно касающихся музыкального искусства, хотя и далеко не только его. Между тем этот масштабный текст, впервые опубликованный в журнале «Русский архив» в 1900 и 1901 годах, едва ли можно считать освоенным отечественной наукой и культурной средой. Он никогда не переиздавался, а в первой публикации сопровождался лишь отдельными небольшими примечаниями ненаучного характера. Известны и широко цитируются лишь фрагменты «Записок», посвященные встрече мемуаристки (тогда юной девушки) с Н. В. Гоголем, а также воспоминаниям о Ф. Листе и, реже, о других музыкантах. Совершенно не учитывается тот богатый и очень своеобразный контекст, та оригинальная атмосфера, в которой выросла и воспиталась эта необычайно одаренная и сильная натура. Мало известно об особой культурной ситуации Веймара первой половины — середины XIX века, которая сложилась во многом благодаря Марии Павловне — русской великой княжне, вышедшей замуж за наследного принца Карла Фридриха Саксен-Веймарского. Этому посвящены многие страницы воспоминаний Сабининой.

Особая тема связана с семьей М. С. Сабининой — дочери русского православного священника, почти всю свою жизнь прослужившего на зарубежных приходах и особенно долго в Веймаре. Человек разнообразных талантов и исключительной трудоспособности, протоиерей Степан (Стефан) Сабинин, автор множества исторических и филологических публикаций, член нескольких русских и зарубежных ученых обществ, вписывается в ряд прославленных представителей русского зарубежного духовенства XIX столетия — достаточно назвать имена архимандрита Антонина (Капустина), создателя «Русской Палестины», архимандрита Иакинфа (Бичурина), первого крупного русского китаиста, протоиерея Михаила Раевского, корреспондента московских славянофильских газет и журналов, создавшего при венской православной посольской церкви центр притяжения всех славянских сил, и проч. Некоторые из известных представителей русского зарубежного духовенства находились в родстве с семейством Сабининых.

Происхождением объясняется и судьба мемуаристки: в момент начала большой пианистической карьеры, на которой настаивал ее учитель Лист, Сабинина была вызвана в Россию для того, чтобы руководить музыкальным воспитанием детей императора Александра II. Это назначение (1860 год) исключало для нее возможность участия в открытых концертах, тем более возможность гастролировать. Мужественно приняв такой поворот судьбы, Сабинина, закончив восьмилетний срок придворной службы, перенесла свою фантастическую энергию на другие жизненные поприща: стала руководительницей первой русской общины сестер милосердия во время Русско-турецкой войны, а затем, поселившись в Крыму, успешно занималась развитием виноделия, одновременно строя храмы и просвещая местное население.

«Записки» М. С. Сабининой в печатном варианте завершаются с ее окончательным переездом в Россию, когда она приступает к выполнению своих обязанностей при дворе. Существуют разные свидетельства о ее дальнейшей жизни — о ее роли в создании русского Красного Креста, о ее руководстве первой в России общиной сестер милосердия, о широкой просветительской и благотворительной деятельности в Крыму, где прошли последние десятилетия жизни Марфы Степановны. Особенно

выделяются среди этих свидетельств неопубликованные части воспоминаний баронессы Марии Петровны Фредерикс, которая была ближайшей, неразлучной подругой и сотрудницей Сабининой и в годы их совместной службы при дворе, и позже, до конца дней Марфы Степановны. Большие фрагменты из этих мемуаров, «досказывающие» жизненный путь главной героини книги, помещены в Приложении. В Приложение включены также пять писем самой Марфы Степановны к М. П. Погодину.

Еще один важный документ — некролог, написанный сподвижницей М. С. Сабининой и М. П. Фредерикс Надеждой Алмазовой, — мы считаем необходимым поместить перед вступительной статьей к «Запискам» как введение, или предуведомление. В нем кратко, четко и внятно очерчены основные вехи жизненного пути Марфы Степановны.

Остальные материалы — хронограф, небольшие статьи составителей издания, в которых освещаются отдельные грани и темы «Записок» (раздел «О “Записках”»), и статьи архимандрита Макария (Веретенникова) об отце Сабининой и великой княгине Марии Павловне — призваны помочь читателям сориентироваться в изложении «Записок» и воссоздать их контекст.

Текст «Записок» М. С. Сабининой публикуется по первому изданию в журнале «Русский архив» с сохранением авторского написания названий и имен, современный или правильный вариант написания приводится в квадратных скобках. Переводы иностранных текстов, сделанные для настоящего издания, также даются в квадратных скобках.

Текст сопровождается подробными комментариями, принадлежащими составителям настоящего издания и В. Э. Ферману. Примечания, содержащиеся в первой публикации, помещены в постраничные сноски с указанием авторства.

Издание «Записок» М. С. Сабининой с подробными комментариями, использующими широкий круг отечественных и зарубежных источников, включая новейшие, с указателями, хронологическими таблицами и серией приложений делает этот ценнейший документ доступным широкому кругу читателей и воздает должное памяти одной из самых замечательных русских женщин.

*Ольга Лосева
Марина Рахманова*

Н. А.
[НАДЕЖДА АЛМАЗОВА]

Памяти М. С. Сабининой¹

Декабря 14-го, прошлого года, в городе Ялте скончалась после тяжкой болезни Марфа Степановна Сабинина, одна из замечательных и достойнейших русских женщин, с чем, вероятно, согласится каждый, кто прочтет этот поверхностный очерк ее жизни.

Она родилась в 1831 году в Копенгагене, где отец ее, протоиерей С. К. Сабинин, состоял при нашей миссии. Богато одаренная от природы умом, дарованиями, энергией, она быстро развивалась под руководством просвещенных родителей. В особенности выдавался ее музыкальный талант: девяти лет она прекрасно играла «Erlkönig» [«Лесного царя» Шуберта], аранжированный Листом, а двенадцати уже была членом музыкального кружка, основанного великой княгиней Марией Павловной в Веймаре, куда в 1837 году был переведен протоиерей Сабинин духовником великой княгини. Обладая огромным голосом, она брала уроки у лучших профессоров, участвовала в хорах благотворительных концертов, управляемых Листом и Берлиозом, даже составила свой собственный хор, который часто пел у великой княгини и у великой герцогини Софии (ее невестки), и их высочества присоединялись к хору и пели под руководством юной регентши. Ей было шестнадцать лет, ког-

да учитель ее, профессор Тёпфер, ученик Гуммеля, объявил ее отцу, что не может продолжать своих уроков с ученицей, которая играет на фортепиано лучше его.

Три года она работала одна, наконец, уехала в Дюссельдорф и поступила ученицей к известной пианистке Кларе Шуман, а через год, вернувшись в Веймар, стала брать уроки у Ганса Бюлова, чтобы познакомиться с его школой. Успехи ее были так поразительны, что Лист, посетив однажды Сабининых, сам предложил заниматься с ней.

Около этого времени она поступила к саксен-веймарскому двору преподавательницей музыки двум дочерям великого герцога, принцессам Марии и Елизавете, а также занималась с принцессой Луизой, которая проживала у своей бабушки, великой княгини Марии Павловны. Сама великая княгиня, продолжавшая, несмотря на свои преклонные года, заниматься науками и искусствами, поручала юной наставнице исправлять свои музыкальные сочинения.

В 1857 году Марфа Степановна в первый раз поехала на некоторое время в Россию со своею матерью. В Москве и Петербурге она дала несколько концертов, имевших большой успех, и была представлена императрице, которая отнеслась к ней особенно милостиво. В 1860 году она неожиданно была вызвана из Веймара в Петербург и назначена преподавательницей музыки к великой княжне Марии Александровне, одновременно занимаясь и с малолетним великим князем Сергеем Александровичем. В 1862 году императрица назначила Марфу Степановну помощницей наставницы великой княжны. Поступив к нашему двору, она лишилась права давать публичные концерты (хотя часто играла при дворе). Артистическая карьера ее была навсегда окончена; но зато пылкий ум ее нашел себе другую пищу. Из статьи, напечатанной в № 7 «Русского архива» 1891 года² (к 25-летию Российского общества Красного Креста), мы видим, что к 1866 году она первая возымела мысль основать Общество Красного Креста, существовавшее во всей Европе, за исключением России и Турции, и вместе с другом своим баронессой Фредерикс положила много труда и энергии в осуществление этого дела. Общество оценило их деятельность, так как обе были избраны пожизненными почетными членами.

Когда Общество Красного Креста стало на твердую почву и образовались, кроме главного управления, дамские комитеты и открылись богатые склады, тогда баронесса Фредерикс стала звать своего друга Марфу Степановну в свое крымское имение Джемиет отдохнуть от тяжелых трудов, тем более что восьмилетний срок, на который Марфа Степановна была приглашена ко двору как воспитательница и преподавательница музыки великой княжне, уже истек. Она согласилась, но богато одаренная натура ее требовала деятельности, а не отдыха. Она сейчас же занялась устройством несколько запущенного имения баронессы Фредерикс и при этом снова выказала свои организаторские способности: восстановила виноградники и занялась виноделием настолько удачно, что на ялтинской и одесской выставках получила за вино золотую и серебряную медаль. Но и эта деятельность не удовлетворяла ее. Когда баронесса Фредерикс задумала устроить в Джемиете церковь и при ней общину сестер милосердия, Марфа Степановна приняла эту мысль близко к сердцу, а пока изучала самым тщательным образом весь церковный устав. Но ей пришлось оставить на время свое дело, потому что в 1870 году возникла Франко-прусская война, и Марфа Степановна была вызвана императрицей и отправлена на собственные средства ее величества для изучения деятельности Красного Креста за границей. Обе подруги были направлены к королеве Вюртембергской Ольге Николаевне, ездили по всем госпиталям и барачным лазаретам Германии и Франции и, наконец, отправлены королевой Ольгой Николаевной со вторым только что устроенным санитарным поездом под осаждаемый в то время Мец. Деятельность Марфы Степановны была неутомимая; ей случалось не ложиться в постель по несколько ночей. Днем она работала, осматривала и изучала все замечательные приспособления, а по ночам писала отчет о[бо] всем виденном к императрице по ее приказанию. Объехав всю Германию и изучив до тонкости все, что касалось Красного Креста, обе подруги возвратились в Крым, где застали императрицу, которая была так довольна и благодарна Марфе Степановне за ее деятельность, что пожаловала ей в знак монаршей милости только что установленную тогда брошку с изображением Красного Креста.

В конце зимы Марфа Степановна опять была вызвана императрицей в Петербург. Государыня объявила ей свое желание —

привести все виденное ею на войне в исполнение и устроить в Петербурге образцовый барачный лазарет. «Но, — прибавила императрица, — у меня нет на то ни денег, ни доктора, который бы мог помочь вам; устройте сами». Императрица не ошиблась, поручив это дело Марфе Степановне. В течение своего короткого пребывания в Петербурге она нашла и деньги, и доктора с архитектором, и место для постройки лазарета.

В конце марта ее величество положила первый камень первого барака теперь столь разросшегося барачного лазарета на Песках, который своим существованием обязан исключительно Савиной. Она же устроила дамский комитет при барачном лазарете, предлагая императрице на выбор лиц этого комитета.

Ее величество очень желала и уговаривала Марфу Степановну остаться во главе созданного ею барачного лазарета, но Марфа Степановна отклонила это предложение, ссылаясь на данное ею обещание баронессе Фредерикс устроить в Джемиете церковь и общину сестер милосердия. Государыня очень огорчилась этим отказом, но по доброте своей отпустила Марфу Степановну.

Период времени от 1872 по 1876 год был посвящен ею устройству церкви и общины; дело подвигалось туго и медленно, потому что в то время южный край представлял почти дикую местность и предпринимать тут что-нибудь было очень трудно за неимением рабочих рук и материала, который нужно было выписывать издалека; притом же и собственные средства были невелики. Но Марфа Степановна своей неимоверной настойчивостью и знанием дела преодолела все затруднения, и в мае 1876 года все было окончено. Весь иконостас вырезан по дереву руками баронессы Фредерикс и сестрами Савинины; вся живопись, все малейшие детали в этой церкви устроены их личными трудами под руководством Марфы Степановны. Церковь была освящена в присутствии государыни, великого князя Сергея Александровича и великой княжны Марии Александровны. Императрица приняла общину святого Благовещения, основанную на средства баронессы Фредерикс и трудами Савиной в память в Бозе почившей государыни императрицы Александры Федоровны, под свое высочайшее покровительство, и по воле ее величества община эта пользовалась особыми

правами, не имея дамского комитета, а сносась непосредственно с главным управлением Красного Креста.

В том же месяце государыня назначила Марфу Степановну настоятельницей Крымской общины сестер милосердия Святого Благовещения, и деятельность общины началась с того времени.

Когда объявлена была Сербско-турецкая война, Марфа Степановна собрала дамский комитет, в котором все ялтинские дамы приняли живейшее участие, и под руководством Марфы Степановны в один месяц был изготовлен их трудами полный комплект на сто кроватей для раненых.

В начале июля внезапно была получена депеша от ее величества, предписывавшая ей отправиться в Сербию со своими сестрами. Так как зародившаяся только община была немногочисленна, то пришлось принять несколько добровольных сестер, которых доктор В. Н. Дмитриев безвозмездно ознакомил с наложением повязок, уходом за ранеными и больными и в очень короткое время образовал из них вполне удовлетворительных сестер милосердия.

За несколько дней до отъезда в Сербию Марфа Степановна приняла присягу, и архиепископ Гурий³ возложил на нее настоятельский крест.

9 августа 1876 года Марфа Степановна с восемью сестрами и богатым запасом белья, перевязочного материала и лекарств для лазарета на сто кроватей, напутствуемая молитвами и благословением всех жителей Ялты, отплыла в Одессу и 15 августа прибыла в Белград.

Встретивший ее уполномоченный Токарев указал ей для устройства лазарета на местечко Аранжеловац близ Крагуевца, куда она немедленно отправилась, нашла там уже массу раненых в очень дурных условиях и проработала с большим успехом до 18 ноября, оставив в окрестных поселянах самое благодарное воспоминание о «сладкой Майке» (как ее называли все аранжеловацкие жители).

Вызванная по заключении перемирия телеграммой императрицы в Россию, она провела зиму в приготовлении Джемиетского барака и других построек для приема раненых на случай ожидаемой войны России с Турцией; но в апреле 1877 года, после объявления войны, совершенно неожиданно должна была

надолго оставить Крым, будучи назначена императрицей заведовать уходом за ранеными на санитарных поездах в Румынии. В этой уже гораздо более обширной деятельности, к которой покойная императрица видимо издавна готовила Марфу Степановну, отправив ее во время Франко-прусской войны для изучения германских санитарных поездов, Марфа Степановна имела возможность проявить весь свой административный талант, энергию, знание и такт, а этого последнего нужен был огромный запас для примирения постоянно готовых вспыхнуть недоразумений между военно-медицинской администрацией, Красным Крестом и румынскими властями*, а также для поддержания необходимой дисциплины и согласия между подведомственными ей сестрами (а их число доходило до 136) и поездными врачами, комендантами, уполномоченными Красного Креста, и это не день, и не два, а целых 18 месяцев. Все эти свойства снискали ей постепенно уважение всех разнообразных деятелей, с которыми приходилось соприкасаться по сложному делу перевозки больных и раненых (от Дуная до русской границы), делу совершенно новому у нас тогда и которому ей удалось придать такое стройное, практическое направление. Когда же генерал Дрентельн решил организовать эвакуацию раненых и больных по Дунаю, и для этого пришлось войти в сношение с пароходным обществом «Австрийский Ллойд», то как он, так и главноуполномоченный Красного Креста нашли полезным поручить Марфе Степановне наблюдение за устройством санитарных барж, а также своими связями в Вене облегчить заключение контракта с «Австрийским Ллойдом».

Она отправилась в Вену в марте 1876 года, где при содействии принца Александра Гессенского, брата покойной императрицы [Марии Александровны], и княгини Марии Гогенлоэ [урожденной Витгенштейн] блистательно окончила это дело; затем на верфи в Пеште под ее непосредственным руководством простые грузовые баржи были превращены в удобные плавающие лазареты (дощатые бараки на палубе) с образцовой вентиляцией и всеми необходимыми приспособлениями; девизом ее

* Задача нелегкая в начале войны при князе Черкасском как главноуполномоченном Красного Креста. — *Примеч. авт.*

было «Licht und Lüft!» [«Свет и воздух!»]. И действительно, того и другого было вдоволь. 2 апреля прибыла в Журжево вся санитарная флотилия из шести барж и двух буксирных пароходов; 5 апреля она была освящена и тотчас же начала свою деятельность по перевозке больных, продолжавшуюся все лето и осень 1878 года при неутомимом содействии Марфы Степановны с сестрами ее Благовещенской общины. Эта торжественная минута освящения барж, с больными уже на койках, готовых к отплытию, прекрасно была изображена в свое время в английском иллюстрированном журнале «Graphic». Любопытно, что русская печать обмолвилась об этом интересном и вполне новом способе эвакуации, так блестяще осуществленном, одною только неодобрительной статьей*. А между тем это был крупный пример полезной деятельности женщины вне обычной сферы домашнего очага! Удачное устройство санитарных барж было делом новым, для которого Марфа Степановна не имела образца и которое создано ею вполне целесообразно, быстро и небывало дешево**. Немцы это вполне оценили и по миновании надобности в этой санитарной флотилии для русского военного ведомства сохраняли ее без изменения для перевозки своих больных по Савве и Дунаю во время оккупации Боснии.

По возвращении, осенью 1878 года, в Россию Марфа Степановна распустила свой многочисленный отряд, удержав необходимое небольшое число сестер для больницы, устроенной баронессой Фредерикс в своем имении Джемиет, где и продолжала свою уже более скромную, но полезную деятельность, заслужившую всеобщее сочувствие. Цения пользу, приносимую этой больницей, главное управление Красного Креста и ялтинское земство готовы были назначить субсидию для пополне-

* Заметка эта есть отголосок неудовольствия русских врачей в Румынии, порицавших все на баржах, но когда главноуполномоченный пригласил их точнее указать недостатки с целью их исправления, то они потребовали только незначительных дополнений в ретирадах да несколько боковых окошечек якобы для воздуха. Впоследствии эта наивная боковая вентиляция осталась без применения, так как больные закрывали эти окна, их беспокоившие. — *Примеч. авт.*

** Приспособление шести барок на 1300 мест для больных с кухнями, кладовыми, помещением для санитарного персонала, а также 48 местами для больных офицеров на пароходах, все внутреннее устройство, посуда — все это обошлось в 70 тысяч франков и было исполнено менее чем за месяц. — *Примеч. авт.*

ния истощившихся уже личных средств баронессы, но в это время (1882 год) постигшее Марфу Степановну ужасное несчастье, зверское убийство ее матери и четырех сестер, подкосило ее силы и навсегда лишило возможности трудиться на общую пользу. Долго металась она, ища успокоения своим страшным душевным мукам; такая исключительно сильная натура должна была и страдать исключительно сильно. К счастью, ее окружала не обыденная дружба, и она-то помогла ей справиться и покориться судьбе.

Марфа Степановна вместе с баронессой Фредерикс и С. В. Дараган переехала в Кастрополь (самая южная оконечность Крыма) и здесь замкнулась в скромную, домашнюю жизнь, рисовала, занималась цветами, музыкой, писала свои воспоминания. Знакомые ее с благодарностью и любовно вспоминают ее приветливое, ласковое обхождение и всегда интересный, умный разговор.

Последним ее делом было сооружение маленькой, переносной церкви, так как в той местности, где они временно проживали, не было ни одной церкви ближе 12 верст. Опять все было сделано по ее мысли, по ее плану, опять работали все три, рисовали, выжигали, шили, увлекая за собой и других. Церковь выросла, словно по волшебству, изящная, красивая. Уезжая из Кастрополя, Марфа Степановна пожертвовала ее Феодосийскому женскому монастырю, и, перенесенная на подворье в Феодосию, она теперь привлекает и восхищает массу богомольцев.

Это было, как уже сказано, ее последним делом; с ней сделался удар, после которого она на время совсем лишилась языка, правой руки и ноги; но потом оправилась и хотя и говорила с трудом, но опять стала прекрасно рисовать и играть нетрудные вещи, ни на минуту не оставаясь без дела, и как ни трудно ей было эти последние полтора года, тем более что у нее развилась болезнь сердца, ей никогда не изменяло ее кроткое расположение духа и она ни на минуту не теряла сознания, даже в последние дни. Тяжело было слышать за несколько часов до ее кончины, как она силилась уловить какой-то мотив, беспокоивший ее, и стараясь выразить его голосом, несмотря на прерывистое и останавливающееся дыхание, и это делала она не бессознательно, потому что, когда ее спрашивали, что она поет, она отвечала: «Я сочиняю».

Угасла эта замечательная женщина, сердце которой билось для всего прекрасного и человеческого, но память о ней не может исчезнуть между теми, кто знал ее хорошо.

Марфа Степановна Сабина была кавалером следующих орденов: бронзовой медали за Русско-турецкую войну 1877–1878 годов; значка Красного Креста 1877–1878 годов; Командорского креста сербского ордена Такова; вюртембергского ордена Ольги (Olgaorden); румынского ордена Елисаветы; сербского ордена Красного Креста за 1876 год.

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ «ЗАПИСОК»

Свои «Записки» Марфа Степановна Сабина писала в 1880-е годы в Крыму, уже после страшной трагедии лета 1882 года, когда неизвестными были убиты ее престарелая мать и четыре сестры. Они жили в своем домике по соседству с имением Джемиет, принадлежавшем лучшей подруге Марфы Степановны — баронессе Марии Петровне Фредерикс. В Джемиет подруги переехали поздней осенью 1868 года, оставив Петербург и двор, создали здесь Общину сестер милосердия и воздвигли храм. Сюда они и выписали потом из Германии мать и сестер Марфы Степановны (отца ее к тому времени уже не было в живых). После их гибели подруги покинули Джемиет и жили сначала в имении Кастрополь⁴, а затем в Ялте, на даче Софии Владимировны Дараган, еще в 1870-е годы ставшей третьим членом их союза. Здесь, в Кастрополе и Ялте, и создавались «Записки». Марфа Степановна однажды даже указывает в них более точную дату — 1888 год (см. фрагмент, относящийся к 26 июля 1851 года).

Не исключено, что к своим мемуарам она приступила, следуя примеру подруги, — «Воспоминания» Марии Петровны Фредерикс были начаты 14 декабря 1883 года⁵.

Марфа Степановна Сабина скончалась в Ялте ровно через 9 лет — 14 декабря 1892 года. Ее «Записки» были опубли-

1859 год

---

2 января вечером я играла у великой княгини Ольги Николаевны. При этом были кронпринц [Карл Фридрих Александр Вюртембергский], г-жа фон Таубенгейм, г-жа Эвелина Массенбах и фрейлина фон Калден. Кронпринц добрый, но очень слабый человек. С отцом своим, королем, он был в очень натянутых отношениях, вследствие чего в королевской семейной жизни было много столкновений. Великая княгиня Ольга Николаевна очень добрая и терпеливая; без этих двух качеств вряд ли бы она выдержала жизнь в Штутгарте. Ей пришлось пережить много тяжелого, пока она не направила кронпринца на тот путь, по которому ему следовало идти.

Все наши праздники прошли очень оживленно: русские устраивали елки между собою и тем утешались в разлуке с отечеством, которая никогда не бывает так чувствительна, как в большие праздничные дни. Я много играла, готовясь к концерту, в котором должна была играть «Carpaccio» Мендельсона с оркестром и «Роème d'amour» Гензелта.

10 января была репетиция с оркестром под управлением Кюккена; шло гладко и хорошо. Концерт был назна-

чен на следующий день. Выхожу играть — Кюккена нет, а дирижирует совсем незнакомый мне человек. Какая причина побудила Кюккена так поступить, я не узнала; но известно, что не следует играть с оркестром, управляемым незнакомым дирижером. Тем не менее отказаться играть я не могла, публика вся собралась, и, как я предвидела, «Каприччио» не прошел гладко; во всяком случае, не по моей вине, так как я его знала наизусть и давно играла. Лист никогда бы не сделал подобной вещи: раз он взялся дирижировать, он бы довел дело до конца. Кюккен же дирижировал раньше и отошел от пюпитра, когда мне пришлось играть. Со стороны врагов «музыки будущности» можно было всего ожидать.

13 января. Утром я поздравила великую княгиню Ольгу Николаевну, которая принимала поздравления живших в Штутгарте русских по случаю Нового года.

Вечером у нашего посланника Титова был bal masqué.

14 января. Я уехала из Штутгарта; Иван Иванович Базаров сопровождал меня до Франкфурта.

Несколько дней спустя я была у Листа и давала ему отчет о своем пребывании в Штутгарте.

19 января вечером у гротгерцогини Софии был концерт. И артисты, и программа были неинтересны; хотя в числе приглашенных были Бронсар и Лассен, но они не играли. Я играла, так как, будучи пианисткой великой герцогини Софии, я всегда являлась, когда приказывали; но отсутствие Листа и то обстоятельство, что никто другой из его учеников не принимал участия в концерте, были последствием несчастного эпизода с оперой Корнелиуса. Положение гротгерцогской семьи было тоже более чем неприятно. Лист сердился на публику, но чем же был виноват двор?⁴⁴³

22 января. Утром некоторые члены нашего певческого кружка и я пели в протестантской церкви мотету Клейна «Herr Gott, du bist unsere Zuversicht»⁴⁴⁴.

Потом я поспешила в нашу церковь, затем на музыкальное утро к Листу. Вечером шел «Тангейзер». Лист не дирижировал. Мы все, его ученики и последователи, как то: Лассен, Бронсар, Алина Гунд, Э. Генаст, Эльвира

Берггауз, Гильда Тегерштрем и я — нашли лучшим провести эти часы вместе, чем присутствовать на представлении оперы Вагнера без Листа у дирижерского пюпитра, и все вечером собрались у нас. Лист отсутствовал намеренно, не желая более тратить свои силы для публики, или, вернее, для противной ему партии, так грубо оттолкнувшей от себя такой молодой талант, как Корнелиус. Лист имел право требовать, чтобы с большим терпением и снисхождением выслушали оперу, которую он счел нужным назначить к представлению. Не следует забывать, что Лист дал ход операм Вагнера в то время, как ни один театр Германии не знал и часто не хотел слышать их. Только из Веймара они распространились и укоренились на всех сценах. Нельзя сказать, что в Веймарском театре городскую и иногороднюю публику могла привлекать блестящая обстановка; нет, обстановка была более чем скромная, но что привлекало в этот храм искусства, это была гениальность Листа, который узнавал, поддерживал и давал ход не только гению Вагнера, но и более скромному таланту, когда он, по мнению Листа, заслуживал внимания. Публика видела, с какими затруднениями проходило бороться Листу, чтобы достигнуть постановки новой оперы; она знала, как много дорогого времени он жертвовал на разучивание всего нового в музыке, которое без исключения партий [то есть: не взирая на партии] было исполняемо им во время его деятельности в Веймаре; она видела, каких он достиг блестящих результатов и какое это должно было иметь воспитательное влияние на слушателей. Эпизод с Корнелиусом был горьким разочарованием для Листа: он на деле увидел, что все его труды и усилия поднять публику в музыкальном отношении оказались тщетными. Партии, образованные вследствие нового музыкального переворота, начатого Шуманом, Берлиозом, Листом и Вагнером, вызвали ожесточенную письменную борьбу, которая очень утомительно действовала на Листа и благодаря которой прекращались многие личные сношения. Придворный театр есть прибежище для таланта, поэтому значение его намного выше значения всякого друго-

го частного предприятия. Когда стало известно, что Лист удаляется ото всякого дальнейшего участия в общественном музыкальном мире Веймара, началась письменная война. Шиканье и свистки объяснялись тем, что публика была возмущена громкими и, по ее мнению, неуместными овациями, сделанными Корнелиусу одной маленькой партией (подразумевались последователи Листа). Прибавляли еще, что эти знаки неудовольствия не касались лично Корнелиуса.

26 января. Я была у Листа и нашла его возбужденным и возмущенным: видно было, что намерение его заняться исключительно только собственными работами и своими учениками было решенным вопросом.

27 января. Давали вновь выученную оперу Моцарта «Похищение из сераля», которая не шла в Веймаре с 10 мая 1842 года. В этой опере много прекрасного, но она отстала.

6 февраля. На музыкальном утре Листа тяжелое чувство соединяло присутствовавших: все сознавали, что кончается золотая эпоха Веймара. Лист смотрел на все как-то равнодушно, в нем не было уже того оживления, того увлечения, которые характеризовали веймарский музыкальный мир. В этот вечер шло вялое представление «Лонгрина» под управлением Штера.

Лист отказался от Веймарского театра; он был огорчен, и, казалось, не так скоро возьмет в руки капельмейстерский жезл, но внешнее обстоятельство побудило его к этому. Один из любимых его учеников, Ганс фон Бронсар, уже несколько раз игравший в придворных концертах в Мейнингене, устроил там концерт в пользу вдов членов капеллы; это и побудило Листа дирижировать этим концертом. Жители Мейнингена никогда не видели Листа в качестве шефа оркестра, и понятно, что все устремились на концерт Бронсара, так что для иногородних потребовался экстренный поезд. Но многим пришлось приехать и уехать, не побывав на концерте: не достало билетов для желающих. В программе концерта были и сочинения Листа. Жители такого маленького города, как Мейнинген, знали только, что о сочинениях

Листа говорят как о музыке непонятной и запутанной; но это не помешало им принять Листа как великого артиста, с цветами и венками. Первое, что играли, была симфоническая поэма Листа «Les Préludes»; слушатели, обыкновенно сдержанные, приняли ее восторженно: разом в их мнении уничтожены были все предубеждения против сочинений Листа. Бронсар играл фантазию [«Скиталец»] Ф. Шуберта, устроенную для фортепиано и оркестра Листом, «Berceuse» Шопена и «Венгерскую рапсодию» Листа; он играл чисто и хорошо. Концерт Бетховена для скрипки классически хорошо исполнил мейнингенский капельмейстер Бот. Вторую часть концерта составляла бесценная [Весенняя] фантазия Ганса фон Бронсара. Она состоит из пяти соединенных частей: «Зимняя пустырь», «Предвестники весны», «Сон любви», «Жизненные бури» и «Полет к вечной весне». Симфония эта — поэтическая вещь; особенно выделяются «Сон любви» и последняя часть; если Бронсар будет продолжать писать в этом духе, то в будущем можно ожидать много хорошего. Лист дирижировал все: своим жезлом он оживлял оркестр и передавал ему свое вдохновение. Я вполне вправе сделать такое замечание, так как часто слыхала одну и ту же оперу или композицию под управлением Листа и других дирижеров. Последние ведут оркестр, Лист же на нем играет.

21 февраля. Вечером давали любимую комическую оперу нашей великой княгини «Севильский цирюльник» (в двух действиях, музыка Шенка)⁴⁴⁵. Хотя эту оперу давно знали в Веймаре, но ее вновь разучивали и ставили на сцене по инициативе Дингельштедта⁴⁴⁶, у которого возникла мысль показать публике всех возможных цирюльников после оперы Корнелиуса.

25 февраля. У Листа на музыкальном утре между прочими были баталист фон Коцебу из Мюнхена с женою и Бертольд Ауербах, известный писатель. Его внешность чисто еврейская и говор тоже; лучше знать его сочинения, чем его самого лично.

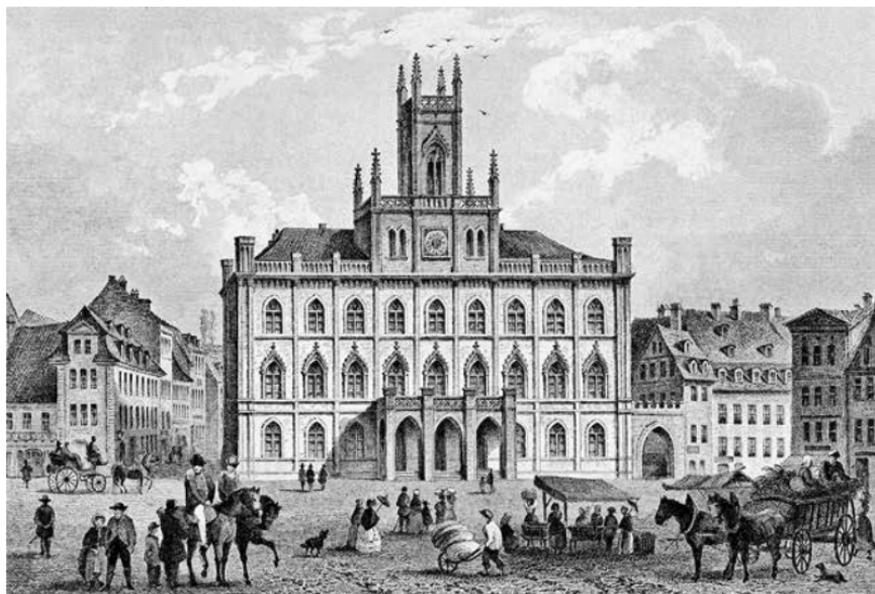
2 марта. Я была у великой герцогини Софии. Она много говорила о Листе и о необходимости заменить его,

и заговорила о Бюлове. Я позволила себе возразить ей, что характер Бюлова таков, что можно предвидеть постоянные столкновения, особенно с медвежьим характером Дингельштедта. Затем, в политическом отношении Бюлов противник маленьких немецких государств, что видно из анонимной брошюры, вышедшей из-под его пера и напечатанной в Париже⁴⁴⁷. В ней он советовал Наполеону III последовать примеру его дяди, присоединив к себе маленькие государства Германии. Человеку с такими политическими убеждениями невозможно было бы поступить на службу в таком маленьком государстве, как Веймарское, что я и позволила себе сказать великой герцогине Софии, которая не знала, что он автор этой брошюры. Со стороны Бюлова подобная брошюра была непозволительна: как немец, он должен был бы сознавать, что только благодаря раздроблению Германии цивилизация и умственная жизнь так процвели в ней, так как каждый влиятельный князь старался поднять образование в своем государстве выше, чем оно было у его соседа, и это общее их соревнование приносило пользу их подданным.

4 марта. Нас постигло большое горе: у нашего дорогого отца сделался первый удар всей левой стороны тела, и, вероятно, это произошло благодаря небрежности нашего врача. Лет двадцать сряду отец всегда пускал себе кровь весной и осенью. В эту весну врач, постоянно пользовавшийся его, не согласился на это и потребовал, чтобы он оставил кровопускание. Вечером отец сидел у себя в кабинете с матерью и двумя дамами, а мы, дети, были в зале с супругами Поль; вдруг вбегает к нам одна из дам и говорит: «Отцу вашему дурно, скорее за доктором». Пришли врачи, пустили кровь, на голову клали лед, который отец постоянно сбрасывал. Я ничего не понимала, что с отцом, никогда до этого не выдав апоплексического удара. На следующее утро, когда пришел гофмаршал нашей великой княгини, чтоб узнать о здоровье отца, он просил меня выйти к нему, чтобы услышать от меня подробности о состоянии больного, и через него я узнала, что у отца удар. Вся тяжесть нашего положения в слу-

Марфа Степановна
Сабина в юности

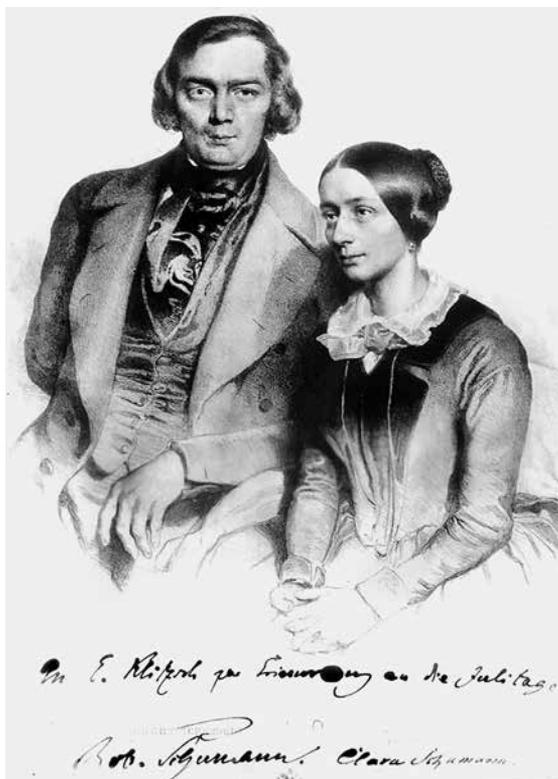

Веймарская ратуша в сер. XIX в.

Литография

Профессор
Иоганн Готлоб Тёпфер

Роберт и Клара
Шуман
1847 г.

А. Штейнгле
Св. Франциск

Подпись к нотному листу:
Ф. Лист
К Св. Франциску из Паулы

0151 1

An den heiligen Franziskus von Paula.
Gebet für Müssiggänger, Sektiranten und Chor, mit Begleitung des Harmoniums oder der Orgel,
von drei Personen und Pauken ad libitum.

Franz Liszt.
Klavierauszug op. 1020

Andante. Mäßig. SOLO

Tenor I. *Hilf, - - - - -*

Tenor II. *Hilf, - - - - -*

Bass I. *Hilf, - - - - -*

Bass II. *Hilf, - - - - -*

Andante. Mäßig.

Harmonium oder Orgel.

Allegro agitato. Rasch.
Chor
Über Meere Flieh'n wandelt die See, Sturm und die wir da geh'n, wir, wir, wir
Über Meere Flieh'n wandelt die See, Sturm und die wir da geh'n, wir, wir, wir
Über Meere Flieh'n wandelt die See, Sturm und die wir da geh'n, wir, wir, wir
Über Meere Flieh'n wandelt die See, Sturm und die wir da geh'n, wir, wir, wir

Allegro agitato. Rasch.

K. & P. 11.

Франц Лист
1856 г.

Веймарский православный храм

Вверху слева:
Великая княгиня
и великая герцогиня
Мария Павловна

Императрица
Мария Александровна

Император
Александр II
с детьми Марией
и Сергеем

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5	Хроника жизни и деятельности М. С. Сабининой	350
Н. А. [Надежда Алмазова]		О «Записках» М. С. Сабининой	361
Памяти М. С. Сабининой	8	Дворы и отдельные их представители	361
К истории создания и публикации		Русское духовенство и причт за границей	377
«Записок» М. С. Сабининой	17	Родственники и близкие друзья семейства Сабининых ...	385
Записки Марфы Степановны Сабининой	25	«Профессор Тёпфер, бывший мой учитель на фортепиано»	405
[до 1840]	27	Гастроли в Петербурге и Москве зимой 1856/57 года	411
1841	41	На придворной службе	421
1842	42	Музыкальный кругозор Марфы Сабининой	426
1843	44	Композиторское творчество	436
1844	47	Приложения	448
1845	49	I. Письма М. С. Сабининой к М. П. Погодину	448
1846	54	II. Из «Воспоминаний» баронессы М. П. Фредерикс	453
1847	59	III. Архимандрит Макарий (Веретенников). Протоиерей Стефан Сабинин (†1863)	511
1848	64	IV. Архимандрит Макарий (Веретенников). Великая герцогиня и великая княгиня Мария Павловна	523
1849	79	Примечания и комментарии	535
1850	93	Указатель имен	622
1851	111		
1852	129		
1853	143		
1854	168		
1855	187		
1856	210		
1857	222		
1858	267		
1859	300		
1860	327		